

О. Г. ЗАКРЖЕВСКАЯ

КОНЦЕПЦИЯ ПАТРИОТИЗМА НИКИФОРА ГРИГОРЫ
(к вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.)

Патриотизм — «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленное веками и тысячелетиями обособленных отечеств»¹ — занимает важное место в системе движущих сил общества². Само отечество — основа, источник, объект патриотического сознания есть «понятие историческое»³. В силу этого даже в рамках одного государства по мере его социально-экономического развития, изменения исторических обстоятельств трансформируется и содержание патриотического сознания.

В последнее время внимание исследователей привлекает тема патриотизма в произведениях византийских авторов.

Опубликованное в 1967 г. исследование Ф. Пашу⁴ посвящено патриотической традиции Западной Римской империи конца IV — начала V в. Ф. Пашу справедливо замечает, что патриотический подъем зависит от внутренних и внешних политических условий существования государства. В период вражеских нашествий волна патриотизма нарастает, в мирное время происходит ее спад⁵. Характер политического режима тоже оказывает немаловажное влияние на развитие патриотического сознания. В условиях тоталитарного государства, когда граждане лишены возможности влиять на ход событий, патриотическое чувство, не угасая полностью, не находит выражения⁶. Но Ф. Пашу опускает существенный момент: в тоталитарном обществе патриотизм выражается в стремлении освободить родину от гнета тоталитаризма...

Французская исследовательница Э. Арвейер⁷ затрагивает вопросы патриотической позиции в Византии, утверждая ее непримиримый характер по отношению к другим народам. Глубоко ошибочно положение Э. Арвейер о своеобразии византийской политической идеологии, основными чертами которой она считает универсализм, национализм, империализм, «византийский шовинизм, часто принимающий форму расизма»⁸, безграничный патриотизм. Основываясь на подобном утверждении, невозможно объяснить многие факты внутренней и внешней истории Византии (например, появление и распространение латинофильских и туркофильских настроений в византийском обществе).

В отношении поздневизантийской истории проблема патриотизма ставится и в некоторой степени решается И. Ирмшером⁹. Автор на материале истории Никейской империи исследовал концепцию греческого патриотизма, господствовавшую в этом государстве. И. Ирмшер пришел к выводу: патриотический подъем, основанный на убеждении,

что Никея «воплощает не только правую веру, но и универсальное римское государство и классическую эллинскую культуру», был «существенным условием воссоздания греческого господства в Константинополе»¹⁰.

И. Ирмшер ставит два вопроса, ждущих решения: 1) поддерживался ли после 1261 г. патриотический подъем в империи? 2) в каком направлении греческий патриотизм развивался далее?¹¹

В настоящей работе рассматривается концепция патриотизма византийского историка, риторика, ученого XIV в. Никифора Григоры. Предметом исследования являются первые два тома его главного труда — «Римской истории»¹², в которых излагаются события 1204—1359 гг. (время создания — 40—50-е гг. XIV в.).

Исторический фон — Византия XIV в., находившаяся в состоянии непрекращающейся борьбы с врагами, раздираемая социальными, политическими, религиозными противоречиями, — создает благоприятную ситуацию для подъема патриотического сознания в различных социальных группах империи.

Исследование патриотической позиции Никифора Григоры входит составной частью в изучение мировоззрения этого автора как представителя византийской интеллигенции XIV в.

Следует отметить, что в предлагаемой работе выясняются **основные** направления концепции патриотизма Григоры. Изучение других его произведений (писем, трактатов, риторических сочинений, третьего тома «Истории»), возможно, даст материал для более широких обобщений. Кроме того, не надо забывать о трансформации мировоззрения Григоры по мере создания им «Истории»: в отличие от первых двух, в третьем томе Григора выступает как теолог; что не могло не внести новые черты в его патриотическую концепцию.

Думается, что выяснение тенденций патриотизма Никифора Григоры, «одного из интереснейших умов своего времени» (Р. Гийан¹³), позволит также подойти к решению вопросов, поставленных И. Ирмшером.

Р. Гийан в своих широко известных эссе¹⁴, весьма подробно излагая содержание произведений Григоры, исследуя их стиль, язык, но обходя многие вопросы, связанные с мировоззрением автора, лишь вскользь касается интересующей нас проблемы¹⁵. Точка зрения Р. Гийана на своеобразие греческого патриотизма в принципе совпадает с мнением Э. Арвейер.

Вопрос о патриотической концепции Григоры (без введения самого понятия патриотизма) затронут в некоторой степени в исследовании Э. Фенстера¹⁶. На анализе энкомиев в честь св. Феофана и Константина Великого ученый делает выводы о приверженности Григоры старой официальной теории *οἰσυπνε*¹⁷. Поскольку работа Э. Фенстера имеет филологический характер, в ней преобладает анализ традиций риторического орнаментирования, а не вопросов мировоззренческого порядка.

* * *

Существует связь между социально-историческими тенденциями и моральной сориентированностью человека, его нравственными искания-

ми¹⁸. Поэтому, изучая концепцию патриотизма Григоры, следует иметь в виду и историческую обстановку в Византии XIV в., и философские и политические традиции воспитавшего его общества.

Исходная позиция морального сознания личности в Византии определялась следующими факторами: принадлежность к великой римской нации; внутренняя несвобода, зависимость всех и каждого от императора; православие.

История Византии XIV в., находившейся в состоянии постоянной войны, внутренних и внешних потрясений, дает значительный материал для выяснения концепции греческого патриотизма этого времени. В XIV в. в Византии, с одной стороны, не исчезло традиционное представление, согласно которому Новому Риму (Константинополю) суждено владеть ойкуменой, с другой стороны, в это время происходит неотвратимый упадок Византийской империи¹⁹. Оба эти фактора не могли не отразиться в сознании современников, определяя их отношение к народам, так или иначе включавшимся в сферу политики Византии.

Григора видит в Византии непосредственную наследницу греко-римской цивилизации, принимая тем самым идею «трансляции высшего верховенства и священства из Рима». Византию в своей хронике он называет исключительно «Римской империей», «римским государством», а население ее — «римлянами», «римским народом». Григора отдает дань официальной доктрине *οἰκουμένης*, которая утверждает, что правитель ромеев «имеет дарованное ему богом право первенства над всеми другими государями и есть высший авторитет»²⁰. В монодии Андронику II Григора называет византийского императора «всемирным решителем всевозможных в мире дел» (I, 466. 19—20). Поэтому «все народы земли», потерявшие «своего» мудрого правителя, должны составить «всемирную громовую симфонию» (I, 466. 22—24).

По мнению Григоры, отделившиеся от империи части должны вновь соединиться с нею, «чтобы составить вместе с другими единую Римскую империю, как было в прежние времена» (I, 279. 10—12). Но реальных возможностей для осуществления этого стремления в Византии XIV в. не было²¹. Григора понимает это и, осуждая, исключает из числа «римлян» население порвавших с империей ее бывших областей, называя их по имени провинций — фессалийцы, этолийцы и пр. Когда же они «замышляют против римлян», Григора прямо обращается к ним как к «противникам римлян» (так он называет, например, Михаила Ангела, правителя Фессалии и Эпира, и его войско, противостоявшее римскому). Это не случайное явление. В восприятии Григоры римлянин — прежде всего подданный императора, подданный Римской империи. Те же, кто, будучи «даже по происхождению римляне», обратились против «автократора и самодержца ромеев», не могут быть названы гордым и высоким именем римлянина. Очевидно, что Григора связывает понятия народности и государства.

Сознание принадлежности к великой римской нации — один из моментов, определивших отношение Григоры к иноземцам. Нельзя отрицать в патриотизме Григоры наличия элементов национализма, который проявляется в его пренебрежении по отношению к другим народам.

Римляне, по его убеждению, народ избранный, превосходящий своими достоинствами прочие народы. Участвуя в 1327 г. в посольстве в Сербию, наблюдая по пути обычаи и нравы туземного населения, Григора пишет: «Разве не мудрец был тот, кто провозгласил себя блаженным за то, что родился эллином, а не варваром?» (I, 383.9—10). «Варварами» Григора называет всех неримлян и нелатинян. В сравнении с «римским» язык сербов «дикий и зверский» (I, 379. 17—18).

Неоднократно Григора подчеркивает коварство, лживость, лицемерие врагов империи, противопоставляя им высокие достоинства римлян. Особую неприязнь вызывают у него латиняне, вечные враги Византии. Если «римлян» всегда отличает в сражениях мужество, военная дисциплина, то «врожденная спесь и глупая гордость не раз сильно вредили» латинянам, являясь причинами их поражений (I, 147. 6—12). Эта же спесь мешает им понять политические выгоды союзов с византийцами, установленных посредством династических браков. «Латиняне... не гоняются за родством с людьми знатными, будь то римские вельможи или даже императоры» (I, 237. 23—25; 238. 5). Чувство задетого национального достоинства звучит в этих словах Григоры.

Григора уверен, что латиняне стремятся воспользоваться любой возможностью, чтобы еще больше ослабить могущество Византии. «После того как силы Римской империи стали ослабевать, а латиняне напротив усиливались», они «стали предьявлять империи непомерные требования» (I, 210.12—13)²². Латиняне охотно участвуют в междоусобицах, заговорах против законных правителей Византийской империи. Григора объясняет стремление Андроника II привести народ Константинополя и высшее чиновничество к новой присяге (1321) опасением, как бы «внук, получив помощь от латинян, не лишил его власти» (I, 296. 11—14).

Крайне враждебно отношение Григоры к генуэзцам, колонии и привилегии которых «непрерывно подтачивают Византию»²³. Особенно усилились генуэзцы в XIV в. По выражению Григоры, они «перевели на себя все возможности благосостояния византийцев и без малого весь доход, поступающий от моря» (II, 841. 16—19). Их «спесь и дерзость по отношению к римлянам» вызывает возмущение Григоры. Он приветствует решение правительства разрушить укрепления Галаты за убийство неким генуэзцем византийца, называет это решение проявлением «заботливости и решительности императора» (I, 134. 13—14). Чувствуется сожаление Григоры, что угроза эта не была выполнена, отчего, по его мнению, страдает национальный престиж римлян. Вообще он не жалуется все большее проникновение иностранцев в экономику Византии. Григора считает, что жители империи «должны довольствоваться тем, что производит земля римская и умеют готовить руки самих римлян» (I, 43. 22—24).

В византийском обществе XIV в. шла постоянная борьба по вопросу об унии церквей. Григора занимает устойчивую антилатинскую позицию в этой борьбе. В решении вопроса об унии церквей Григора, хотя и будучи лицом духовным, руководствуется прежде всего не интересами церкви и идеологии, а интересами государства. По его убеждению, уния церквей на условиях, предлагаемых латинянами, есть «зло для Римской

империи» (I, 127. 11). Но враждебное отношение к Западу не ослепляет его. Если империи грозит гибель и есть возможность спасти ее путем унии, «странно было бы отвергать нововведение, которое предотвращает большие опасности» (I, 127. 7—8). Так обстояли, по мнению Григоры, дела в 1274 г. Он в защиту унии приводит многочисленные и разнообразные доводы сторонников ее (обходя молчанием мнения противников): если в полуразрушенный Константинополь придет неприятель, то «настанут бедствия более тяжкие, чем минувшие», «неприятели сделаются господами всего — наших детей, жен, имуществ, а сами господа... сделаются из свободных рабами» (I, 127. 15—18). Потому, заключает Григора свой пассаж о событиях 1274 г., уния церковей была «благоразумным предпочтением меньшего зла большему и большей выгоде меньшей» (I, 127. 9—12). Но в XIV в. обстоятельства переменялись: Константинополю не угрожало восстановление Латинской империи, да и интересы внутренней борьбы отрицали возможность заключения унии. Поэтому Григора считает нелепым даже поднимать вопрос о ней.

Когда в Константинополь прибыли папские послы для проведения диспута с византийскими богословами (в плане решения вопроса об унии), Григора выступил категорически против публичной дискуссии с латинянами. Свое отрицательное к ней отношение он объясняет тем, что «...мы никогда не согласимся с их доводами». В споре с латинянами по вопросу истинности церковного учения «не им нашими, а нам их судьями быть надлежит», ибо это они, а не византийцы создали нововведения, которые суть «уклонения от благомыслия» и не являются для римлян «безукоризненными» (I, 506. 7—9). Григора полагает своим долгом выступить с резкой критикой калабрийца Варлаама, который «явившись в митрополитию всякой мудрости»²⁴, «пытался выставить латинские догматы как догматы более здравые» (I, 556. 20—21). Для участия в публичных спорах с Варлаамом Григора решает снять обет молчания, принятый им после прихода к власти Андроника III и удаления Андроника II, на стороне которого были политические симпатии Григоры. Итак, мы можем констатировать: Григора отдает определенную дань традиционной доктрине *oісоυτηπε*, Византия в его представлении — «универсальное римское государство», преемница Римской империи, восстановление былого могущества которой было бы для него желательным; Григора утверждает превосходство римлян над другими народами; он резко враждебно настроен к латинянам.

Но, отдавая дань официальной идеологии ойкуменизма, Григора не был сторонником национализма, агрессивного курса внешней политики империи.

«Византии XIV в. было не по плечу наследие империи Комнинов» — правители ее, хотя и стремившиеся восстановить государство в прежних пределах, были бессильны очистить его от латинян, османов, сербов²⁵. Григора, понимая это, не пытается в «Истории» приукрасить положение родины²⁶. Из его хроники очевидно, что в XIV в. византийцы лишь отражали постоянные нападения врагов, а более или менее активную политику (далеко не всегда успешную) проводили по отношению к западным областям. Чувством горечи и скорби полны слова Григоры

о начале царствования Андроника II: «Тогда хлынули на нас, словно грозные тучи, народы с такою же стремительностью, с какою, говорят, разливается Нил» (I, 377. 25; 338. 5). Осознание неблагоприятной для империи реальности не позволяет Григору предаваться пустым фантазиям о возврате былого могущества Византии. Поэтому он рекомендует в политике учитывать уже существующее положение и максимально использовать его на благо родины. Главный критерий, которым, по мнению Григоры, следует руководствоваться в отношениях с другими народами, — польза Римской империи, обеспечение ее мира и покоя²⁷.

Григора понимает, что наиболее серьезный и могущественный противник для Византии — турки. Обреченность сквозит в описаниях Григорой бесчисленных побед турок: «Чем более ослабевали римляне, тем более усиливались варвары... если рассказывать о всех победах турок, показалось бы, что не историю мы пишем, а тянем жалобную песнь» (*kaí doxómen autoí ge hemeís monodéin ouk historian diexienai*) — (I 141. 18—19). Победы османов для Григоры — «это такая история, которую... скучно повторять постоянно» (I, 545. 18—19). Поэтому, реально оценивая размеры турецкой опасности, Григора, несмотря на свою ненависть к латинянам, на пренебрежение к балканским народам, признает необходимость политических союзов с теми и другими против турок. Союзы византийцев с иноплеменниками нужны, утверждает Григора, если договор «приносит пользу римскому народу» (I, 41. 22—23). Именно таким образом оценивает он предложенный Карлом Анжуйским союз византийцев и латинян против турок (1332). Вина за несостоятельность его полностью ложится на латинян, «которые, занявшись открывшимися у них смутами, не сдержали слово, оказались лжецами. Более того, родосцы, фокейцы, а вслед за тем и генуэзцы начали открытую войну против римлян» (I, 525. 7—10). Однако, с точки зрения Григоры, договоры с латинянами против варваров не всегда полезны империи. Примером подобного соглашения он считает каталонскую кампанию, которая принесла не столько помощь римскому народу, сколько «унижения и оскорбления». Каталонцы «накинулись, как на неприятеля, на того, кем были призваны», став для византийцев «сущим божеским наказанием» (I, 223. 16—19). Как видим, союз с латинянами против варваров Григора признает полезным Византии, но советует быть крайне осторожным в отношениях с ними, не доверяя им полностью и не допуская их вмешательства в дела империи.

Вмешательство иноземцев (латинян, сербов, болгар) во внутренние дела империи должно было быть глубоко неприятно для Григоры, оскорбительно для его чувства национального достоинства. Но в решении и этого вопроса он исходит из сложившейся обстановки. В XIV в. политические противники все чаще в междоусобной борьбе обращаются за помощью к иностранцам. Григора не видит порочности и опасности для империи подобной практики. Он не выступает против нее. Он признает возможность использования военной помощи соседей империи, если таким образом можно погасить пламя междоусобиц и обеспечить Византии столь необходимые ей мир и покой. Таким пред-

ставляется Григоре намечающийся союз Андроника Старшего с сербами в борьбе его с внуком. Поэтому Григора не только одобряет этот шаг императора, но и принимает предложение участвовать в посольстве в Сербию (1327). Одновременный же союз Андроника Младшего с болгарами, направленный против законного императора, может привести только к затягиванию гражданской войны и потому осуждается Григорой.

Надежным средством установления мирных взаимоотношений с другими народами Григора полагает династические браки. Они являются, с его точки зрения, «орудием для заключения союза с кем-либо во имя пользы римлян и римского государства» (I, 295. 1—4). Таким способом достигается мир (брак дочери Андроника II Симониды с кралем Сербии), возвращаются ранее утраченные территории (брак Андроника II с Ириной Монферратской), укрепляется влияние Византии за ее пределами (брак Михаила IX с Марией Армянской).

Григора решительно отрицает какие бы то ни было союзы с турками. Турки не могут быть, заявляет он, надежными союзниками империи. Стремление этих варваров одно — опустошение и захват византийских территорий. Григора сурово осуждает политиков, пользующихся помощью турок (особенно в ходе внутривизантийских разногласий). Он показывает, к каким печальным для империи результатам ведет подобная недалечность. Андроник III в борьбе за возвращение Эпира воспользовался услугами Урхана. Последний одновременно с оказанием этой помощи, «зная, что римляне не имеют достаточно сил», замышляет поход на Константинополь (I, 539. 20). Две тысячи призванных Андроником III турок «помогли ему подчинить Этолию и Акарнанию» (1337). Но в том же году — скорбно сообщает Григора — турки взяли Никомидию, а «в следующем году не произошло ничего знаменательного, кроме постоянных набегов турок» (I, 545, 18—19).

Непримиримое отношение Григоры к туркам определялось не только их экспансионистскими устремлениями, не только их «варварством» (сербы, болгары тоже варвары, по мнению Григоры), не дальновидностью историка, но конфессиональной чуждостью турок. Турки — иноверцы, враги христианства. Вот почему православные народы должны забыть о своих распрях, вот почему византийцы должны забыть о враждебности к латинянам — защита границ православной империи, защита правой веры требуют объединения усилий всех христиан. Григора уверен, что только их совместная борьба против угрозы с востока, исходящей от «неверных», может вывести Византию из бедственного положения.

* * *

Истинный патриотизм прежде всего проявляется в стремлении служить родине. «...Человек, выросший в традициях византийской государственности, считал единственно достойным свободного человека служением государственную службу»²⁸. Григора не один раз повторяет и подчеркивает, ссылаясь на собственный пример²⁹, что вести жизнь от-

шельника — значит отказаться от использования своих дарований для «блага общего дела» (I, 328. 7). Григора полагает общественным долгом римлянина службу, обеспечивающую империи мир внутренний и внешний.

Служение «общей пользе» — основная идея, основная добродетель римской системы ценностей³⁰. Очевидно ее влияние, синтезированное с христианской традицией, на понимание Григорой общественного долга. Но у римлян объект и субъект выполнения общественного долга — свободный гражданин римской гражданской общины. Византийское же «равенство бесправия», императорский деспотизм и произвол определили особое место персоны императора в византийской системе ценностей. Исполнение общественного долга предполагает не просто служение обществу, государству, но прежде всего — «автократу и самодержцу ромеев».

Григора отводит императорской власти ведущее место в византийском обществе. Отсюда один из существенных моментов его концепции патриотизма — верноподданность. Император олицетворяет государственную власть, является «оплотом и опорой» общества, «основанием государственного благополучия», «кормчим, от которого зависит жизнь империи», «великим светильником» государства. (τον κοῖνον πραγμάτων..., τὴν μεγάλην lampáda... — I, 492. 15—20; 466. 13—14). Благо подданных зависит от императора, горе им, если государя постигнет беда, ибо «...когда поражен пастырь, страдать в известной степени всему стаду» (I, 427. 8—9). Забота о благе подданных, о процветании вверенного ему государства — руководящий принцип политики императора, полагает Григора.

Следуя такой трактовке роли императорской власти, Григора определяет общественный долг подданных империи — верой и правдой служить императору, что тождественно служению государству, «общей пользе». Только служба императору давала значительность в условиях Византии, когда «само исправление административных ролей зависело от элитарности»³¹. Не случайно в речи Метохиту Григора подчеркивает: «Ты приносишь великую пользу государству, ты помогаешь великому императору» (I, 324. 20—21). Выполняют свой долг перед императором и родиной византийские воины, мужественные и бесстрашные в битвах с врагами (Григора никогда не упускает случая сказать о доблести римлян). Выполняют свой долг те, кто защищает установленные богом права императора (и среди них сам Григора). Когда речь идет о судьбах родины, не должно быть места эгоизму, корысти. Преисполнены негодования слова Григоры о «дурных, приближенных» Андроника II, «при жадности к деньгам готовых пренебречь всем, чем держалось римское государство» (I, 174.12—15). Вняв их советам, Андроник II распустил флот и «с этого времени начались и на этом твердо основывались бедствия римлян» (I, 175. 3—4).

Как раньше Хрисоверг и Хониат³², так и Григора в XIV в. с горечью говорит о готовности византийцев участвовать в заговорах против императора³³. Заговорщиков следует «низвергнуть со своей степени», ибо (обращается Григора к апостолу Павлу) «князю людей да не ищи зла,

императора чтите» (I, 407. 17—18). Заговоры против императора, особенно среди членов его семьи, чреваты угрозой основам государства. Поэтому заслуживают всяческого порицания люди, подобные Сиргиану, который «настраивая деда и внука друг против друга, расстраивал таким образом дела государства» (I, 294. 12—14). Междоусобицы развязывают «бессовестные люди», забывшие о своем долге и желающие «нажиться на смуте» (I, 320.13—15). Междоусобицы — самое опасное для империи зло, опаснее даже турок, заявляет Григора, ибо, ослабляя империю, они «делают ее легкой добычей» врагов. Григора сравнивает Византию, «изнуренную междоусобной войной», с «надломленным стеблем» (*kalamo suntetrimméno* — I, 318.15—18). Междоусобицы грозят «гибелью всему их [римлян] богатству, домам, мужчинам, женщинам, правителям, управляемым», и это «должно пасть на совесть виновного таким тяжким укором, от которого он не освободится всю жизнь» (I, 320. 19—20). В отношении Григоры к междоусобицам проявляется консерватизм его патриотической концепции. Выступая против всякого рода смут, он отрицает и народную оппозицию императорской власти (известно его возмущение восстанием зилотов — II, 613. 10—20). Григора отвергает любые социальные реформы, почитая их злом, наносящим ущерб империи.

*.
.

Концепции патриотизма Григоры присуща определенная противоречивость. С одной стороны, он не отошел от идеи, утверждающей, что Византия воплощает в себе «универсальное римское государство», являясь наследницей греко-римской цивилизации, что римляне своими национальными достоинствами намного превосходят другие народы. Но, с другой стороны, он показывает: угрожающее состояние Византии XIV в. не позволяет, уповая на прошлое, стремиться возродить былое могущество империи. Григора признает современную слабость ее и ничтожество господствующего класса.

Для существования и процветания империи необходимо покончить с постоянными набегами врагов. Этого можно достигнуть (и следует к этому стремиться) не столько на полях сражений, сколько путем установления союзных отношений с соседями. В патриотической позиции Григоры нет ни агрессивности, ни непримиримости по отношению к другим народам.

Не только внешние благоприятные условия, но, главное, внутренний мир необходимы Византийской империи. «Внутренние опасности страшнее внешних», — утверждает Григора (I, 318. 14). Долг патриота — быть верным подданным законного императора, поскольку обеспечить прочный внутренний и внешний мир (что есть благо государства) может только политическая ловкость императорской власти. В проведении своей политики императору надлежит руководствоваться одним критерием. Критерий этот — государственная польза.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 190.
- ² П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Патриотизм и общественный прогресс. М., 1974.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.
- ⁴ F. Paschoud. Roma aeterna. Études sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions. Roma, 1967.
- ⁵ Ibid., p. 13.
- ⁶ Ibid. Свое исследование Ф. Пашу сознательно ограничивает рамками Западной Римской империи, заявляя, что миф «Roma aeterna» характерен только для Запада. Греки же «проявляли по отношению к нему только индифферентность, или презрение, или зависть» (Ibid., p. 16).
- ⁷ H. Arweiler. L'idéologie politique de l'Empire Byzantin.— "Presses universitaires de France". P., 1975
- ⁸ Ibid., p. 51.
- ⁹ I. Irmscher. Nikäa als "Mittelpunkt des griechischen Patriotismus".— BF, Bd. IV. Amsterdam, 1972; idem. Griechischen Patriotismus im 14. Jahrhundert.— XIVe Congrès intern. des études byz., Bucarest, 1971.
- ¹⁰ Ibid., p. 26.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Nicephori Gregorae Byzantina historia, ed. J. Schopen, v. I—III. Bonnae, 1829—30.
- ¹³ R. Guiland. Essai sur Nicephore Gregoras. L'homme et l'oeuvre. P., 1926, p. 90.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid., p. 90.
- ¹⁶ E. Fenster. Laudes Constantinopolitanae.— "Miscellanea Byzantina Monacensia", 9. München, 1968.
- ¹⁷ Э. Фенстер ссылается на кн. XIII «Истории» Григоры, где последний говорит о своих занятиях историографией: «Я хотел не просто историю Римской империи писать, но и упомянуть, что происходит в других странах». Ибо «царствующий город» (Константинополь) есть «общее место и общий пританей всей ойкумены». Исходя из той роли, которую Григора отводит Константинополю, Э. Фенстер делает вывод: если официальная доктрина *oicoumene* традиционно базировалась на Византийской империи, то Григора, продолжая ее, определяет Константинополь «ойкуменическим центром» истории (Ibid., p. 218).
- ¹⁸ А. И. Титаренко. Опыт этико-философского исследования. М., 1974, с. 3.
- ¹⁹ Вопросы официальной идеологической доктрины *oicoumene* на материалах сочинений византийских авторов XIV в. поставлены В. А. Сметаниным: В. А. Сметанин. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны.— АДСВ, вып. 11. Свердловск, 1975, с. 99—103.
- ²⁰ Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.— «История СССР», 1970, № 4, с. 44.
- ²¹ О внешнеполитическом положении Византии XIV в. см.: Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв., с. 44; Сметанин В. А. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны; N. Iorga. Latins et Grec d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe (1342—1362).— BZ, Bd. 15, 1906; N. Banescu. Le patriarche Athanase 1er et Andronic II Paleologue. Etat religieux, politique et social de l'Empire.— "Académie Roumaine Bulletin de la Section Historique", t. XXIII, 1943; H. Hunger. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; W. Ohnsorge. Konstantinopel und der Okcident. Darmstadt, 1966.
- ²² Григора имеет в виду растущие претензии венецианцев и генуэзцев.
- ²³ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 294. См. также: G. J. Bratannu. Recherches sur le commerce genois dans la Mer Noire au XIIIe siecle; E. Dall'gio d'Alessio. Galata et la souveraineté de Byzance.— REB, 19, 1961.; E. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.— ВВ, 1 (26), 1947, с. 215—234.— Автор, используя свидетельства современников, в том числе Григоры, рисует картину постепенного усиления генуэзцев и ослабления позиций Византии в самом ее центре — Константинополе.

²⁴ Никифор Григора. Флорентиец.— Ф. Успенский. Очерки истории византийской образованности. СПб., 1891, с. 252.

²⁵ Ф. Успенский. История Византийской империи, т. 3. М., 1948, с. 657. Об отношениях Византии с соседями см. напр.: G. J. Bratiani. Notes sur le projet du mariage entre l'empereur Michel IX Paleologue et Catherine de Courtenay.— „Revue historique du SudEst europeen“, I, 1924; P. Lemerle. L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur „la geste d'Umur Pacha“. P., 1957; S. Tramontanu. Per la storia della Compagnia Catalana in Oriente.— „Nuova Rivista Storica“, 46, 1962; Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1882; Б. Т. Горянов. Религиозно-полемиическая литература по вопросу об отношениях к латинянам в Византии XIII—XIV вв.— ВВ, 8, 1956; Н. П. Соколов. Венеция и Византия при первых Палеологах.— ВВ, 12, 1957; Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.

²⁶ См. также: В. А. Сметанин. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг.— АДСВ, вып. 9. Свердловск, 1973, с. 89.

²⁷ «Быть благоразумным — значит уметь предупредить бедствия прежде, чем они наступят» (I, 127.9—11).

²⁸ А. П. Каждан. Григорий Антиох. Жизнь и творчество одного чиновника.— ВВ, 26, 1959, с. 84.

²⁹ Григора указывает, что одной из причин, вызвавших его возвращение к общественной жизни после прихода к власти Андроника Младшего, явились речи Варлаама, в которых он «стал порицать и унижать Византийское государство как чуждое, по его мнению, всякого образования» (I, 555. 16—17). Разоблачить клеветнические нападки латинянина Григора считал своим долгом перед Римской империей.

³⁰ См.: С. Л. Утченко. Две шкалы римской системы ценностей.— ВДИ, 1972, № 4; его же. Еще раз о римской системе ценностей.— ВДИ, 1973, № 4; Е. М. Штаерман. Кризис античной культуры. М., 1975.

³¹ А. П. Каждан. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 137.

³² А. П. Каждан. Григорий Антиох..., с. 99.

³³ О смутах в рассматриваемый период см.: V. Laurent. Isaie, patriarche de Constantinople (1323—1332).— „Catholicisme“, 6, 1923; U. V. Bosch. Kaiser Andronikos III Palaiologos. Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321—41. Amsterdam, 1965; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962; М. Я. Сюзюмов.— J. Meyendorff. Introduction a l'étude de Gregoire Palamas. P., 1959.— ВВ, 23, 1963.